

На обратном пути Мистер Чэн намеренно или неосознанно попытался поговорить с Вэй Шиченом, но тот просто рассмеялся и не ответил. Но когда Мистер Чэн попросил его прийти снова в следующий раз, Вэй Шичен согласился, что заставило его почувствовать, что вероятность успеха велика.

Для Вэй Шичена невозможно не понимать желание другого. Он уже не помнит, сколько людей хотели его сотрудничества. Короче говоря, мистер Чэн был не первым и не будет последним.

Вэй Шичен почувствовал, что ему действительно следует расслабиться. Вспоминая нежное белое лицо подростка, он подумал, что тот мог бы стать хорошим объектом для его умиротворения. Даже если не учитывать его внешность, просто видеть и слушать его редкий навык и талант игры уже было достаточно, чтобы привлечь его внимание.

Ху Вэньшань вошел в класс, поставил коробку для рисования и сказал:

— Финансовый отдел уже начал собирать плату за обучение на следующий квартал. Крайний срок вот - вот наступит. Есть ли кто-нибудь, кто ещё не оплатил? Поднимите руку, если есть таковые, чтоб я знал и не чувствовал себя неловко по этому поводу. Назовите свой номер.

Несколько одноклассников с подняли руки. Они не могут заплатить заранее, и обычно ждут крайнего срока. Ху Вэньшань подождал некоторое время, но, увидев, что Тао Юань так и не поднял руку, не удержался и спросил:

— Ду Циню, ты заплатил за обучение?

— Все сделано, — ответил Тао Юань. Чаевых, которые дал ему мистер Чэн, было более чем достаточно, чтобы оплатить обучение. Хотя он знает вид очень богатых людей, которые всегда щедры ради лица, но, если это не для достижения определенных целей, они не будут щедрыми до такой степени. В конце концов, ничьи деньги не падают с неба, и богатым тоже приходится нести свое собственное давление. Чаевые, которые дал ему мистер Чэн, были первой платой за то, что он обслужил Вэй Шичена.

— Оплатил? — Ху Вэньшань был явно удивлен, но ему все равно пришлось притвориться спокойным. Что-либо говорить сейчас было бесполезно, и все приготовленные слова пришлось сдержать. Но он не мог, всё ещё, не подтвердить это снова. — Точно сдал?

— Почему бы учителю не позвонить в финансовый отдел и не уточнить у них? — тупо сказал Тао Юань.

— Когда ты это сделал, скажи и передай информацию об оплате, а не указывай с кем надо говорить, — Ху Вэньшань выглядел сердитым, чтобы скрыть свою ненормальность.

— Разве я не сказал этого? — Тао Юань выглядел озадаченным, затем посмотрел в камеру:

— Поскольку учитель неоднократно спрашивал, я предложил, чтобы учитель подтвердил это в финансовом отделе. Если это считать ответной речью, то, похоже, как студент, я не имею права говорить такие слова.

Ху Вэньшань проследил за его взглядом, обращенным в камеру. Эта камера контролируется не только школой, но и родительским комитетом, бюро образования, ассоциацией частного образования и многими организациями и учреждениями. Для того, чтобы судить, кто виноват в случае конфликта между учителем и учеником.

Сейчас в обществе, где права человека очень важны, студентам необходимо уважать учителей, но также необходимо, чтобы учителя уважали студентов.

Поскольку он был явно неразумным, даже если бы он не примирился, он мог только задержать дыхание, притвориться, что ничего не произошло, и начать преподавать свой предмет студентам.

Сюй Шаоян тоже был удивлен, потому что Лю Сюцзе попросил кого-нибудь следить за ним, и он был уверен, что Ду Циню больше не играл в чайном домике. Но где он взял деньги, чтобы заплатить за обучение? Сюй Шаоян был очень смущен. Поразмыслив, он пришёл к выводу, что, скорее всего, отец оставил ему какие-то сбережения. Сюй Шаоян неохотно прикусил губу, думая в глубине души, что когда он потратит все оставленные сбережения, то наступит день, когда он придет к нему просить деньги.

После занятий, Тао Юань вернулся домой, чтобы приготовить ужин для Ду Имина, а затем дал ему немного денег, и, на всякий случай, предупредил, что возможно будет работать допоздна, так что, в случае необходимости, он может позвонить ему.

Приняв душ и переодевшись, Тао Юань пришел в чайный домик и стал ждать. У него было предчувствие, что то, что должно произойти, произойдет сегодня вечером. Хотя в глубине души ему все еще было немного не по себе, он успокаивал себя тем, что все это сделано для выполнения поставленной задачи, и он просто действует, как актер. В этом не было ничего неприемлемого. Он был профессиональным актером и мог попробовать себя в любой роли.

И ему нужна совершенная любовь, чтобы цветок персика полностью раскрылся. Он должен провести всю жизнь с Вэй Шиченом. В любом случае, рано или поздно это будет сделано, единственная разница в этом деле, сделать это сейчас или позже.

Менеджер лично подошел, чтобы позвать его, а затем продолжал объяснять ему, что он не должен оскорблять директора Вэя, независимо от того, что тот решит сделать с ним, он должен сдерживаться. По дороге в отдельную комнату, хотя менеджер Ву продолжал говорить, Тао Юань не собирался слушать. Он знал, что произойдет дальше, раньше у него не было такого опыта. Он сказал себе, в глубине души, что это не имеет значения, потому что у первоначального владельца тоже не было такого опыта, поэтому ему нужно только вести себя нормально.

Прежде чем войти в отдельную комнату, он глубоко вздохнул, вошёл в роль, сказав себе, что должен быть её частью. С этого момента он действительно начнет участвовать в постановке.

Как и в прошлый раз, Тао Юань играл на гучине в отдельной комнате без экрана. После того, как песня закончилась, мистер Чэн ответил на телефонный звонок и сказал, что у него появилось что-то с чем нужно разобраться, и, извинившись перед Вэй Шиченом, поспешно ушел, оставив их двоих в отдельной комнате.

Тао Юань продолжал играть на гучине. Пристальный взгляд Вэй Шичена заставил его немного смутиться. Аура директора Вэя слишком сильна, даже если это просто обычный взгляд, он неизбежно заставит людей чувствовать себя подавленными, не говоря уже о таком пристальном внимании.

Вэй Шичен встал, подошел к Тао Юаню и присел рядом и приподнял его подбородок, словно оценивая произведение искусства, смотрел на него взглядом, словно пытаясь запечатлеть в своей памяти его тонкие черты лица.

Несмотря на то, что подбородок Тао Юаня был приподнят, его пальцы продолжали порхать над струнами не останавливаясь. Поза, этих двоих, была очень похожа на благодетеля и благотворителя. Просто внешность Тао Юаня оценивалась достаточно высоко и решение о дальнейшем ещё не было принято.

— Ты знаешь, почему мистер Чэн ушел? — Вэй Шичен посмотрел в эти яркие и одухотворенные глаза, чувствуя себя немного знакомым.

— Я знаю, — Тао Юань подумал: "Все знают о таких вещах, и мистер Чэн действительно не мог не уйти."

— Ты знаешь, что я собираюсь сделать с тобой дальше?

— Знаю.

— Поговорим об этом, — на губах Вэй Шичена появилась игривая улыбка.

— Мистер Чэн попросил меня обслужить вас и попросил переспать с вами. Он уже дал деньги, — Тао Юань не мог контролировать сердцебиение, но старался сохранять спокойное выражение лица.

Вэй Шичен на мгновение замер, затем улыбнулся. Он не ожидал, что ответ будет столь прямолинейным. Есть слишком много людей, которые хотят забраться к нему в постель, и тех, кто хочет отправить людей к нему в постель. Он видел всевозможных мальчиков и девочек, но это первый раз, когда он видел такого рода неприкрытое, говорящей все, что у него на языке.

— Ты не похож на человека, который согласился бы заниматься подобными вещами за деньги, — Вэй Шичену очень легко видеть человека насквозь. Этот человек высокомерен и его не легко подчинить. Этот тип людей наиболее чист и самосознателен, и относится к телу и эмоциям больше, чем к жизни.

— Изначально я им не был, но у меня в определенной степени не хватает денег, так что я должен быть...

— У тебя такие хорошие навыки игры, тебе все еще будет не хватать денег? — Вэй Шичен был озадачен.

— Потому, что мне не хватает больших денег, и они мне нужны срочно и одновременно, чтоб сразу их использовать в нужном деле. Чтобы деньги пришли быстро, и мне не нужно было ждать, я согласился, — Тао Юань настоял на том, чтобы доиграть музыкальное произведение, прежде чем остановить пальцы, который перебирали струны.

Вэй Шичен потер розовые губы большим пальцем, желая поцеловать, попробовать на вкус его губы. Но эти глаза заставляли его чувствовать себя все более и более знакомым, но он просто не мог вспомнить, где он это видел, что заставляло его чувствовать себя немного неловко.

— Я видел тебя раньше? — Вэй Шичен чувствовал, что никогда не забудет такую красивую внешность, как только увидит её. Но он никак не мог вспомнить, где видел эти глаза. Так что просто спросил его напрямую, чтобы узнать, сможет ли он получить ответ.

— Когда я был маленьким, я признал в тебе крестного отца, — сказал Тао Юань.

Вэй Шичен сразу же остолбенел, медленно убрал руку и сказал:

— Есть что-то подобное? Почему я не помню?

— 20 июня 2xxx года в тот день был мой день рождения. Мой отец отвез меня в отель, чтобы отпраздновать это событие. Он случайно встретил вас, и мы вместе ужинали в отеле. В то время у моего отца были с вами деловые отношения. Чтобы угодить вам, мой отец настоял на том, чтобы я называл вас крестным отцом, но вы не соглашались. Но после того, как я назвал вас крестным отцом, хотя вы и не согласились, но дотронулись до моей головы и сказали, что я хорошо выгляжу, особенно мои глаза.

Вэй Шичен постепенно представил себе картину. В его голове было слишком много важных вещей. Если бы он не помнил достаточно хорошо, то это потому, что не принимал близко к сердцу, и он действительно не смог бы найти этот фрагмент памяти.

Вэй Шичен в то время чувствовал, что этот ребенок, действительно красив, особенно глаза, которые были очень яркими. Просто он еще не открылся, и прошло так много времени, что он этого не помнил.

— Что случилось с твоим отцом? — бизнес Вэй Шичена становится все больше и больше. Многие люди, которые сотрудничали раньше, долгое время не контактировали с ним, не говоря уже о том, что он и его отец, строго говоря, не сотрудничали.

— Он обанкротился, затем умер от неизлечимой болезни, оставил несколько долгов и младшего брата с болезнью сердца, который зависит сейчас от меня. Он живет вместе со мной, — отец первоначального владельца не погасил некоторые долги, но у кредитора были хорошие отношения с ним, и долг был не особенно велик, поэтому никто не призывал погасить его сразу. Просто из-за характера первоначального владельца, он не хотел никому быть должен, поэтому всегда думал о том, чтобы вернуть деньги. Поскольку Тао Юань заменил его, он, естественно, поможет ему расплатиться.

— В таком случае, ты действительно спешишь потратить деньги, и действительно есть причины продавать себя за деньги, — Вэй Шичен встал, подошел к столу и сел, посмотрел на него и сказал:

— Но ты должен знать, что этот мир трагичен. У людей есть мнение, что я нехороший человек, и я не буду сочувствовать тебе только потому, что ты говоришь, как несчастен.

— Мне никогда не приходило в голову просить вас посочувствовать. Поскольку я решился на это, то если это не вы, то кто-то другой. — Тао Юань опустил глаза и продолжил:

— Я просто взял деньги и сделал то, что должен был сделать. Вы спросили, я ответил. Менеджер сказал мне, что я не могу вас обидеть. Я сделаю все, о чем вы меня попросите. Я скажу все, о чем вы меня попросите. Я не могу сопротивляться или возражать.

Вэй Шичен снова рассмеялся, подумав, что этот ребенок действительно интересен, и в нескольких словах продал своего менеджера. Просто фраза: "это не вы, то кто-то другой" заставила его чувствовать себя немного неловко и необъяснимо. Он похлопал себя по бедру и сказал:

— Иди и сядь сюда, и дай мне посмотреть, действительно ли ты позволишь мне сделать всё что я захочу.

Тао Юань встал и пошел вперед к Вэй Шичену, взглянул на его бедра, потом посмотрел на его игривые глаза, опустил голову и сжал пальцы и сказал:

— Я... у меня нет опыта.

Вэй Шичен растерянно посмотрел на его беспомощный вид и почувствовал себя очень мило в своем сердце. Он взял его за руку и посадил к себе на колени, держа его, ущипнув за подбородок, чтобы заставить его посмотреть на себя:

— Назови меня папочкой.

— Папа, — без колебаний воскликнул Тао Юань.

— Ты раньше целовался? — не дожидаясь ответа, Вэй Шичен пососал розовые губы и облизнулся, чувствуя, что вкус был хорошим.

— Нет, я не целовался, — Тао Юань ответил честно. Ни у него, ни у первоначального владельца нет никакого опыта поцелуев.

— Это правда? Или притворяешься, что нет? Ты можешь сказать мне правду. Это не имеет значения. Ты выглядишь очень хорошо, у тебя наверняка не недостатка в поклонниках. Неужели ты никогда ни в кого не был влюблен? Даже если так, разве нет никого с кем бы ты мог целоваться?

Тао Юань замолчал и не ответил.

— Почему ты молчишь? — спросил Вэй Шичен.

— Я хочу сказать, что вы мне не верите, но менеджер сказал, что я не могу так отвечать вам, — тихо сказал Тао Юань.

Вэй Шичен улыбнулся. Для такого прямолинейного и милого человека это был первый раз, и он видел это:

— Я тебе верю.

Тао Юань взглянул на него, затем снова опустил взгляд.

— Что ещё ты хочешь сказать? — Вэй Шичен потерся губами о нежную щеку: — Ответь мне.

— Я хочу сказать, что вы действительно непостоянны. Как и следовало ожидать, высокопоставленный человек не только очень подозрителен, но и обладает мягкими ушами. Неудивительно, что мистер Чэн не смог поговорить с вами, поэтому он послал меня обслужить вас и хотел, чтобы я доставил вам удовольствие. Если я подарю вам легкий ветерок с подушки*, может быть, он сможет поговорить с вами

*через постель добьюсь нужных мне средств.

— Всего одним взглядом ты уже подумал о таком большом деле? — Вэй Шичен держал ароматное и мягкое тело в своих объятиях и постепенно сжимал его. Человек в его руках не только успешно вызвал его интерес, но и спровоцировал его сексуальный аппетит.

— Просто забудьте об этом, если не верите, — Тао Юаня обнимали очень крепко, что он не мог пошевелиться, он положил руку на крепкую грудь, чувствуя, что грудные мышцы собеседника были очень твердые, как камень. Под таким сильным и могучим телом он может пострадать сегодня вечером.

— Мой милый малыш такой милый. Папа будет тебя очень любить сегодня вечером, — Вэй Шичен уложил Тао Юаня на широкую кровать.

Хотя кровать была сделана из цельного дерева, на ней лежал матрас с эффектом памяти очень хорошего качества, покрытый сверху шелковой тканью. Тао Юань мог лежать на ней, не чувствуя дискомфорта.

— Я немного боюсь боли. Папа, пожалуйста, будь нежнее, — Тао Юань действительно боялся боли и спросил уже сильно возбужденного Вэй Шичена.

Вэй Шичен развязал его белую старинную газовую одежду, крепко поцеловал его, услышав приглушенное удовлетворенное урчание. Наблюдая, как туман в глазах подростка становится все тяжелее и тяжелее в сочетании с его покрасневшим лицом, тело Вэй Шичена стало горячим и сухим. Он думал, что человек в его руках был действительно прекрасным созданием, чистым и нетронутым.

— Если тебе больно, умоляй меня. Если ты сможешь смягчить мое сердце, я сделаю все нежнее, — Вэй Шичен наклонил голову и поцеловал юношу в губы, положив на него свои широкие ладони. Вэй Шичен почувствовал, что прикосновение кожи было более нежным и гладким, чем шелковое покрывало, расстеленное на кровати, и ему не хотелось отпускать его.

Вэй Шичен раздел Тао Юаня догола и некоторое время любовался им. Он не смог удержаться от восклицания:

— Такая красивый!

Тао Юаню захотелось закрыть глаза, его тело слегка дрожало, но не из-за холода, а из-за блуждающих рук Вэй Шичена.

Он открыл в системе функцию соблазнения цветком персика. Пока они делают это один раз, Вэй Шичен будет без ума от этого тела, и желание наслаждаться им никогда не прекратится.

— Папочка, папочка, успокойся, пожалуйста! — Тао Юань, наконец, не смог удержаться и взмолился о пощаде. Его голос не только дрожал, он пытался сдержать слезы.

— Милый, ты такой восхитительный. Даже твой голос звучит так приятно. Дорогой, давай, кричи еще громче, — Вэй Шичен испытывал это такое чудесное чувство. Такое замечательное тело, такой красивый голос! Если бы это был демон, он боялся, что останется без души.

Вэй Шичен уже не был молод в свои тридцать семь или восемь лет. Он был почти на двадцать лет старше Тао Юаня. Если бы он женился раньше и завел детей, у него уже мог быть сын этого возраста. Но за эти годы, хотя он встречался со многими людьми, никто не делал его таким снисходительным или неуправляемым.

— Папочка ... нет ... нет ... — разум Тао Юаня дрогнул. Он не мог сказать, хотел он этого или нет, чувствовал ли он себя счастливым или страдающим. В этот момент он не мог использовать свой мозг. Ему приходилось полностью полагаться на инстинкты своего тела.